

Мыс Столбчатый. Плиты, которыми природа выложила берег в этом удивительном месте, похожи на чешую дракона

Самый южный остров Большой Курильской гряды богат и прекрасен. И собственник у этого клочка земли могучий — только неэффективный

Остров Кунашир

Самый южный остров Большой гряды Курильских островов. Площадь 1490 км², население острова (по данным 2007 года) около 8000 человек. В конце XVII — начале XVIII века Кунашир считался российской территорией, однако принадлежность гряды оспаривала Япония. Согласно Симодскому трактату 1855 года, Кунашир в числе других островов был признан японской территорией. На Ялтинской конференции 1945 года Курильские острова было решено передать СССР. Согласно административно-территориальному делению России, Кунашир входит в Южно-Курильский городской округ Сахалинской области. Япония оспаривает территориальную принадлежность Кунашира и рассматривает его как часть своей субпрефектуры Нэмуру префектуры Хоккайдо.

Четыре действующих вулкана на один маленький остров! Плюс Тихий океан с одной стороны и Охотское море с другой. Суровая природа, местами загаженная, но по большей части дикая и роскошная. Только придется запастись временем и терпением. На Кунашир можно и по туристической путевке рвануть, и не так, учитывая расстояния, это дорого — тысяч тридцать. Но в программах везде пишут: «Если позволит погода». А она вот сейчас позволяет, а через час уже нет — угадать невозможно. Теплоход от Сахалина до Кунашира идет сутки. Но налетит тайфун, и проболтаетесь двое, а то и вовсе назад не солоно хлебавши, вернетесь — порта нормального в Южно-Курильске нет, пассажиров на берег доставляют на плашкоуте, проще говоря, на большой плоскодонке, для плавания по бурным волнам не предназначенной.

Зато общения на теплоходе в избытке! Бригады рыбаков, водолазы, местные домой возвращаются. Всем скучно, хочется поговорить, и люди попадаются бывалые, чтобы не сказать всеми водами крещенные. Кунаширец непременно начнет на островную жизнь жаловаться и обязательно пригласит у него остановиться. О деньгах речь не заведет никогда — этой мысли и в подкорке нет. Просто ему новые люди интересны, да и по-другому там жизни не понимают

Издали остров выглядит Лукоморьем, а приплываешь на помойку. Из воды торчат полузатопленные суда, берег завален черт-те чем. Столица Кунашира, поселок городского типа Южно-Курильск, строилась после войны вместе с рыбозаводом, который в конце 1990-х окончательно испустил дух. Поселение это с самого начала преследовали несчастья. В 1953-м его смыло цунами. Новое отстроили подальше от берега на возвышенности, но в 1994-м и оно сильно пострадало от землетрясения. Пришлось поднимать поселок еще выше, и теперь он располагается как бы на двух уровнях. Одно- и двухэтажные деревянные барачные дома будят воспоминания о прежней «счастливой» жизни в стране рабочих и крестьян. Местность вокруг болотистая, под стать домам скучная, и только вдаль виднеется стена леса. Словом, надо подготовиться к тому, что первая встреча с островом повергнет вас в уныние, особенно если погода неважная. Но сразу наваливаются дела — нужно у пограничников отметиться, сходить в контору заповедника, чтобы пропуск получить, на ночлег устроиться. Меня пригласил к себе местный ихтиолог Георгий Кулинский. Правильнее сказать, не пригласил, а я ему сам навязался, но Георгий отнесся к этому, как к чему-то само собой разумеющемуся. Дружья друзей дали мне его адрес, я написал и получил ответ: «Приезжайте, буду рад».

1. Курильские бобтейлы отличаются от других кошек не только куцым хвостом и высокими задними ногами, но и повадками
2. Полуостров Весловский — это многокилометровая песчаная коса

Кулинскому за пятьдесят. Как ихтиологу ему по долгу службы положено печься об экологии, но он этим занят и в нерабочее время. Даже о машине забыл: стоит во дворе, гниет. Завел ездовых собак, соорудил из старых японских велосипедов — других здесь нет, как, впрочем, и машин — эдакие колесные нарты и так передвигается по острову. «Мы друг друга в форме держим. Я собак гоняю — иначе болеть начнут, а они меня». На примере Кулинского начинаешь понимать, что любовь к природе — чувство по сути антипатриотическое. Он рассуждает просто: сами не можете уникальный остров сберечь, пустите сюда японцев. Не потому, подчеркивает, что у них на Кунашир какие-то права, а потому, что они свою землю в порядке держат. Когда мы обсуждали мой маршрут, Георгий, водя пальцем по карте, то и дело со вздохом вставлял что-нибудь в таком роде: «Здесь раньше прибоем гребешка выносило —

собирай не хочу! Кроме хлеба никакой еды брать с собой не надо было. А теперь ни одного не сыщешь. Водолазы все выгребли подчистую. И крабов мешками мы давно уже не собираем».

Попал я на остров поздновато, в конце сентября, поэтому решил: пока погода не испортилась, двинуться сперва на север. Там главная достопримечательность Кунашира — почти двухкилометровый вулкан Тятя. В 1973 году он в очередной раз проснулся и выбросил столько пепла, что облако накрыло даже соседний Шикотан, до которого 80 километров. С того времени и так почти не заселенная северная часть острова вовсе обезлюдела.

День потратил на сборы (кое-что из продуктов нужно было прикупить) и отчасти на знакомство с кунаширской столицей, без чего вполне можно было обойтись, но ведь спросят в Москве. Народ здесь одет вполне прилично, все остальное — полное убожество. Асфальта, считай, нет, только перед зданием администрации он более или менее целый. Отсутствуют и тротуары, в дождь без резиновых сапог не пролезть, а если сухо, то пыль столбом. Деревянные лестницы, соединяющие верхнюю и нижнюю части поселка, обвалились. В относительно приличном состоянии только бюст Ленина в центре, свежестроенная церквушка рядом с ним да японские джипы, до которых местные жители большие охотники.

Заглянул для порядка в подвальчик краеведческого музея, там дежурные чучела, пара айнских наконечников для стрел и могильная тишина. В магазинах не обнаружил ничего местного — ни морских гадов, ни свежей рыбы. А так ассортимент почти как на материке, только цены на треть выше. Что безусловно примиряет с общей убожеством — это народ. Местные неизменно приветливы и участливы. За месяц, что я провел на острове, много раз пришлось пользоваться попутками, и ни у одного водителя даже в глазах не прочел желания слупить с меня деньги.

Вышел к Тяте рано утром. С погодой пока везло. Лучшее время на острове: вторая половина августа — сентябрь, который как раз заканчивался. До вулкана километров шестьдесят, не меньше. Дорога идет в основном по берегу — прибой, скалы, пустынные песчаные пляжи. Через пару часов натыкаюсь на первый медвежий след. Эти зверюги любят прогуливаться по берегу, поскольку океан нет-нет да и выносит что-то съедобное. Потом не раз их встречал у кромки прибоя — стоит такой как истукан и даже носом в твою сторону не ведет!

До горячих источников Чайка добрался к обеду. Эти 20 километров еще можно преодолеть на машине, дальше дорога превращается в тропу. В свое время пограничники соорудили на одном из источников бетонные ванны — нежишься в теплой воде и любишься океаном. Опять же на берег много гребешка выбрасывало. Раковины кидали прямо в костер и, когда они открывались, вынимали сварившихся внутри моллюсков. Но большинство погранзастав закрыли, и следить за ваннами теперь некому, да и на берегу сегодня ничего, кроме мусора, не найдешь. Три из четырех ванн затянуло грязью. Функционирует только одна — исключительно благодаря усилиям местного отшельника Андрея Архангельского. Лет двадцать назад его выгнала из Москвы постперестроечная бескормица. Поселился на кордоне у речки Филатовки, завел хозяйство и живет припеваючи. Раз в неделю устраивает себе банный день — приезжает сюда на велосипеде, сливает воду с ванны, чистит ее и сам купается.

Тятя — уникальный туристический объект. Это классической конусообразной формы молодой вулкан, образовавшийся на месте взорвавшегося древнего. К тому же типу относятся Везувий и Фудзияма, Тятя считается после них третьим по красоте. Но без палатки и полного набора туристического снаряжения ходить на вулкан не следует. На всем пути от Южно-Курильска нет ни одной избушки, где можно было бы спрятаться от непогоды, устья многочисленных рек приходится переходить вброд, причем во время прилива или после сильных дождей форсировать самую полноводную на острове реку Тятинку нечего и пытаться. В шторм идущая по берегу тропа местами становится вовсе непроходимой — приходится ждать (бывает по несколько дней), пока океан успокоится.

Меня, слава богу, все эти беды миновали. За устьем Тятинки свернул налево вглубь острова и скоро вышел к боковому кратеру вулкана — воронке с крутыми стенками, испещренными бордовыми полосами пережженной породы. Вокруг мертвый лес — сухие стволы, и чем ближе к основному кратеру, тем ниже они становятся: пепел во время извержения лег вблизи вулкана

слоем в несколько десятков метров и засыпал высоченные пихты, торчат одни верхушки. Ландшафт лунный. Несколько лет назад пошла мода у кунаширской молодежи гонять здесь на японских квадроциклах, но работники заповедника быстро это баловство прекратили. Старые следы еще кое-где виднеются, но новых нет.

1. Мертвый лес у подножия вулкана Тятя

2. Мыс Столчатый больше всего напоминает исполинский каменный орган

Удача мне изменила: только собрался на основной конус, как зарядил дождь. Двое суток промаялся в палатке. Наконец робко выглянуло солнце, и хотя полнеба было затянуто тучами, я не выдержал и рванул вверх. Оказалось, напрасно. До вершины оставалось еще порядочно, но тут налетел ветер и пошел уже не дождь, а снег. Пришлось поворачивать назад. К утру сугробы наверху намело по пояс, и, как ни обидно, мысль о восхождении пришлось оставить. Кто побывал на вершине, рассказывают, что вид оттуда в ясную погоду открывается фантастический: видны Итуруп, Шикотан, японский берег, Тихий океан с одной стороны, с другой Охотское море. Да и сам вулкан имеет удивительную форму. Он составлен как бы из двух конусов: верхушка главного на высоте около полутора километров аккуратно срезана и на образовавшейся плоскости стоит молодой красавец конус почти правильной формы.

Так всегда бывает: стоило мне двинуться от Тяти к поселку Рудный, который уже на охотском берегу, как погода исправилась. Дорога, относительно недавно проложенная геологами, пересекает хребт Докучаева. По ней даже можно проехать на вездеходе, но идти — одно мучение. Зато она самая красивая на острове, поскольку пересекает разные растительные зоны: то ныряет вниз, где царствуют пихтарники, то круто забирает вверх, где все заполонил кедровый стланик. Над всем этим великолепием господствует Тятя, одновременно изящный и величественный.

На Рудном когда-то японцы добывали золото, их сменили советские шахтеры, сейчас не добывает никто. Большой заброшенный поселок, ржавеют японский экскаватор и отечественный трактор, под дизелями черная, пропитанная маслом земля. Из штолен к берегу тянутся узкоколейки, по которым руду доставляли на обогатительную установку. От помещения, где она стояла, тоже остались одни стены. Охотское побережье острова гораздо более суровое, чем тихоокеанское. Постоянно натыкаешься на непроходы, то есть на выдающиеся в море скалы, которые можно только оплыть. Японцы, чтобы спокойно передвигаться по берегу в окрестностях Рудного, пробили в таких скалах туннели.

Кальдера Головнаина, озеро Кипящее, вид с купола. Серый цвет воде придают растворенные газы и сернистые соединения

В поселке я прожил три дня. Ходил вверх по реке Северянка, хотел заснять медведя-альбиноса, который водится в здешних роскошных лесах. Раньше они и на континенте часто встречались, но из-за светлой шкуры там их выбили. Альбиносу легче, чем бурому медведю, добывать рыбу. Японцы даже провели эксперимент: поставили в воду две бочки — темную и светлую. От первой лосось держался подальше, а на вторую даже внимания не обращал. Альбиноса я все-таки увидел и сфотографировал. Можно было отправляться дальше на север, к Нескучинским источникам.

Дорога туда сначала отходит от берега. Она ведет вверх на перевал и местами почти непроходима — засыпана обвалившейся породой, завалена упавшими деревьями. Спуск вниз к ручью Пионерскому не легче: колея сплошь заросла ольховым стлаником, не идешь, а продираешься. Наконец уже по медвежьей тропе выбрался на прибрежную полосу и вздохнул с облегчением. Но рано я радовался. Раньше по берегу ходили пограничники, геологи, поэтому на скалах, выдающихся в море, были вывешены перила, сейчас ничего этого нет. В тихую погоду трудные участки, как правило, можно обойти по мелководью, но в шторм остается одно — ждать либо возвращаться назад. Видно, высшие силы решили компенсировать мне неудачу с Тятей, и погода стояла для этого времени года на удивление тихой.

Нескучинские источники — гидротермальные выходы вулкана Руруй, самого северного на Кунашире, — замечаешь издали по дымам, поднимающимся от земли. На берегу везде кипящие озерца, в которых варятся листья с облетающих дубов и ольхи. Чуть выше — горячий водопад, ложе его выстлано минералом гейзеритом нежного телесного цвета. Поднявшись вверх по склону, попадаешь на фумарольное поле, все в отверстиях и трещинах, через которые вырываются горячие вулканические газы и пар. Вниз сбегает два ручья — горячий и холодный. Отводя от них струи (путем перемещения камней), я добился нужной температуры и долго нежилась в этой импровизированной ванночке, любуясь морскими далями.

Чем дальше на север, тем чаще непроходы. Я планировал добраться до самой северной точки острова — мыса Докучаева и выйти к водопаду Птичий. Про него мне местные говорили восторженно: белоснежные косы низвергаются с двенадцатиметровой высоты в пенящуюся чашу, вокруг полная дикость, медведи обитают в изобилии, поскольку вода здесь в период нереста кишит рыбой, которой они лакомятся. Но, как и Тятя, Птичий остался несбывшейся мечтой — погода начала портиться и пришлось повернуть назад.

Мыс столбчатый

Я правильно поступил, что юг острова оставил на закуску. Он неплохо обжит, и путешествовать по нему гораздо легче, чем по северу. От 17-го километра трассы, соединяющей столицу с южной оконечностью Кунашира, через прекрасный реликтовый лес с многовековыми, увитыми лианами-гортензиями тисами, вязами и пихтами к охотскому побережью ведет тропа. При японцах это была полноценная дорога, по которой доставляли серу.

Через пару километров тропа приводит к Столбовским источникам, самым популярным у местных жителей. По сути это большие глубокие лужи, которые здесь называют ваннами. Ритуал такой — сначала долго нежишься в той, что заполнена грязью, затем переползаешь в водяную, из которой выходишь словно заново рожденным.

Место прекрасное — лес кругом, полно живности. Полутораметровых полозов, которые здесь водятся в изобилии, бояться не следует, они совершенно безобидны. К сожалению, до Столбовских слишком легко добраться. Поэтому здесь всегда много народу, люди втихаря

рубят деревья, жгут костры, оставляют мусор, который растаскивают вороны. Еще одна напасть — в последнее время отсюда стали ведрами вывозить лечебную грязь.

От источников до берега рукой подать. Ступив на него, двинулся на север и через километр уперся в мыс Столбчатый. Это бесспорно один из удивительнейших памятников природы Дальнего Востока. Высоченная скала, словно составленная из одинаковых шестигранных каменных столбов, напоминает циклопический орган. Берег здесь выложен находящими друг на друга плитами, похожими на чешую дракона. Во всех этих гранях преломляется солнце, в разные часы по-разному. Я так и не смог до заката оторваться от этого зрелища, пришлось заночевать на Столбчатом. Утром двинулся в обратном направлении, на юг, и через час добрался до Третьяковской заставы. Она функционирует, но давно уже не высылают наряды: пограничников сегодня интересуют не шпионы и диверсанты, а банальные браконьеры, наши и японские. Поскольку дорога к заставе ведет хорошая, рядом огороды южносахалинцев. От китайской картошки их уже воротит, хочется своей, выращенной без химии.

Поражает, сколько при Советах на этом маленьком острове было погранзастав: прошагал по берегу от Третьяковской километров семь на юг, и пожалуйста — еще одна. От нее остались лишь бетонные стены да брошенные танки, стволы пушек воинственно направлены в сторону Японии, до которой рукой подать. Все это навеивает грустные мысли об уникальной способности наших правителей превращать народные деньги в то, что народу не нужно и даже вредно. Стоит застава в прекрасном месте: на берегу сразу и моря — Охотского, и озера — Песчаного. Кругом сплошной кварцевый песок. Перешеек узкий, метров 500. В древние времена остров здесь разрезал пролив, засыпанный взрывом вулкана Головнина, до которого я и планировал добраться.

За мысом Алехина — скоплением серо-стального цвета скал, похожих на гигантские, словно указующие на звезды персты, — к берегу подступает лес, наверно, единственный сохранившийся в прибрежной полосе. Леса у моря нещадно рубили сначала японцы, потом наши, так что от них ничего не осталось. По всему побережью одна и та же картина: сплошной бамбучник на местах рубок, и лишь вдали стена деревьев. У мыса очередная погранзастава. Думаю, единственная от нее польза — солдаты поддерживают порядок на соседнем горячем источнике. Там бассейн в форме пятиконечной звезды, выложенный плиткой. Поставил рядом палатку и, перед тем как лечь спать, залез в теплую воду. Благодать — лежишь, а над тобой россыпь миров.

1. Вид с мыса Геммерлинга на вулкан Тятя
2. Когда-то в поселке Весловский был свой порт, о котором сегодня напоминают только полузатопленные сейнеры

Кальдера вулкана Головнина

Поднялся на рассвете и через час добрался до устья реки Озерной. Отсюда к кальдере — циркообразной впадине, образовавшейся после взрыва вулкана, — ведет весьма приличная

дорога, пробитая японцами лет сто назад. По ней возили серу, которую добывали в кальдере. У дороги красуются молодые пихты со следами медвежьих когтей на стволах. За ними сплошной бамбучник. Мы привыкли, что бамбук — это стройные стволы высотой в несколько метров, но здешняя его разновидность не выше колена, изредка в человеческий рост. Непролазные заросли этого вездесущего сорняка очень отравляют жизнь путешественника — они затягивают тропы, так что и не найдешь, замедляют движение настолько, что иной раз на путь в километр тратишь много часов!

Поднявшись на сотню метров над уровнем моря, оказался на краю кальдеры — воронки диаметром около пяти километров, образовавшейся в доисторические времена, когда взрывом вулкана было поднято в воздух 6 км³ породы. Внизу два озера: Горячее и Кипящее. В Горячем много взвеси серы, отчего вода в нем имеет бирюзовый оттенок. Кипящее изобилует гидротермальными выходами, вода в нем при очередном выбросе словно вскипает. Грязевые котлы и гейзеры тянутся вдоль всего северного берега. Песок во многих местах скворчит, как на раскаленной сковороде. В озерах, как и в реке Озерной, из-за кислой среды почти нет жизни (это, кстати, характерно для большинства рек и ручьев Кунашира, иной раз даже не сразу найдешь воду, чтобы чай вскипятить). Зато вокруг полно птиц и постоянно попадаются медвежьи следы. В советский период в кальдере была... да, правильно, погранзастава. Из нее конные наряды рассылались по острову. Заставы давно нет, пограничников тоже, а лошади остались. Они одичали, приспособились грызть бамбук, даже научились прятаться в океане от комаров и мошки. За последнее десятилетие такие «дикие» табуны появились во многих пограничных районах, где были упразднены заставы. На Кольском полуострове, например, лошади питаются карликовой березкой и тоже не бедствуют.

Покидал кальдеру уже в снег. Повалил он неожиданно, как всегда на Кунашире. За несколько часов все побелело, особенно непривычно выглядели заросли бамбучника, еще вчера ярко-зеленые. Птицы, насекомые мгновенно исчезли, лес наполнился тишиной. Зима на Кунашире необыкновенная: ночью мороз до 20 °С, а днем тепло: +10–15 °С. Снег на листьях бамбучника подтаивает, и утром они оказываются в ледяной оправе, как изумруд в серебре. Но любоваться этими красотами хорошо в тихую погоду, а она зимой редко балует островитян.

Мне в очередной раз повезло: теплохода, учитывая время года, я прождал недолго, каких-то пару дней. Когда отплывали, было холодно, ветрено, но кто здесь на такие вещи обращает внимание. Компания девчат столпилась у борта — перекидываются шутками, хохочут, расходиться по каютам не спешат. Метеорологи, муж с женой, отправляющиеся в отпуск, бурно обсуждают, к чьим родителям ехать сначала, а к чьим потом. Водолазы, те, как только взошли на борт, целенаправленно двинулись в буфет пропить заработанные кессонкой деньги. Я дождался, пока береговые огни скроются во тьме, и пошел греться. Долго пробыл, да мало увидел. А вот еще сюда судьба занесет.

Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/number/507/>